

РАЗДЕЛ 2

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

ОТКАЗ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ИМ ПРАВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Авдеева Т. В.

В ГК Республики Беларусь отсутствует должное регулирование вопросов, связанных с отказом граждан и юридических лиц от принадлежащих им прав. Как следствие, субъекты гражданского права не имеют четкого понимания, что представляет собой отказ от права, от какого права можно отказаться, в какой форме осуществляется отказ от права и какие правовые последствия с ним связаны. Схожая ситуация наблюдается в близких в правовом отношении к Беларуси Российской Федерации и Республике Казахстан. Предпринимаемый в последние десять лет активный исследовательский поиск по заявленной теме направлен на выход из сложившейся ситуации на законодательном и правоприменительном уровнях. Проблематика отказа от права, которую в литературе справедливо называют *terra incognita* и *terra periculosa* [1, с. 133; 2], имеет все шансы получить конструктивное решение.

В соответствии с п. 2 ст. 8 ГК *отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав* не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. Аналогичное правило содержится в п. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также содержалось в п. 2 ст. 8 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) в ред. до 2011 г.

Приведенная норма допускает различные варианты ее толкования. Большинство белорусских авторов [3; 4; 5] считают, что правило п. 2 ст. 8 ГК содержит запрет на отказ лица от права в любой форме, в том числе посредством заключения соглашений. По мнению некоторых российских ученых, рассматриваемое правило не имеет отношения к отказу от права, а лишь определяет последствия

фактического неиспользования лицом принадлежащего ему права [1, с. 135; 2; 6]. Было высказано суждение о том, что отказ от осуществления права охватывает и отказ от права, и фактическое неиспользование права [7]. Первый вариант толкования представляется более убедительным. *Во-первых*, политико-правовой контекст, существовавший два десятилетия назад, не допускал отказа от прав, гарантируемых лицу государством. *Во-вторых*, сохранение права при его неиспользовании (отсутствии реализации) с очевидностью следует из автономии воли лица при осуществлении принадлежащих ему прав (п. 1 ст. 8 ГК). *В-третьих*, окончательный «отказ» от осуществления права, по сути, означает отказ от права, поскольку право без возможности его осуществления перестает быть правом (право – мера возможного поведения).

В целях последовательного и непротиворечивого правового регулирования отказа от права необходимо ответить на ряд принципиальных вопросов.

На чем основана допустимость отказа граждан и юридических лиц от принадлежащих им прав? Прежде всего отметим, что из сопоставления п. 2 ст. 8 и ст. 21 ГК следует, что в п. 2 ст. 8 ГК речь идет об отказе лица от «принадлежащего ему», т.е. «субъективного права» (конкретно существующей для него возможности), а не от права как элемента содержания правоспособности (абстрактной возможности обладания правом).

Допустимость отказа от субъективного права вытекает из принципов автономии воли участников гражданских отношений и диспозитивности при осуществлении принадлежащих им прав (ч. 3 ст. 2, п. 1 ст. 8 ГК). По мнению Ю. В. Сухановой, отказ от права представляет собой элемент содержания субъективного гражданского права, который имманентно присутствует в нем [6, с. 8]. Автор приходит к выводу, что возможность отказа правомочным лицом от своего права заложена практически в любом гражданском праве [6, с. 23]. Заинтересованность лица в отказе от субъективного права может состоять в сохранении или приобретении других, более важных для него, прав (благ) (например, отказ от определенных прав из договора в целях сохранения возможности исполнения обязательства должником), освобождении от определенного бремя (например, бремя содержания собственности). Таким образом, отказ от субъективного права – есть один из возможных эффективных способов осуществления права в виде распоряжения посредством прекращения.

На момент принятия ГК 1998 г. запрет на отказ лица от принадлежащего ему права имел под собой политико-правовое обоснование. Патерналистская функция государства проявлялась не только в наделении физических и юридических лиц определенными правами, но и создании незыблемых гарантий обладания данными правами. В настоящее время обладание правом уже не воспринимается как ценность, более значимая, чем принцип автономии воли и принцип диспозитивности при осуществлении гражданских прав. Участники гражданских отношений заинтересованы в том, чтобы самостоятельно определять юридическую судьбу принадлежащих им прав, в том числе посредством отказа от них, преследуя собственные, не противоречащие законодательству цели. А значит, реализованный в п. 2 ст. 8 ГК подход нуждается в пересмотре.

Отказ от каких субъективных гражданских прав допустим? В настоящее время перечень субъективных прав, от которых их обладатели могут отказаться, установлен законодательными актами и крайне ограничен (см., напр., ст. 237, п. 2 ст. 253, п. 4 ст. 400, п. 3 ст. 420, ст. 1074, ст. 1076 ГК). В некоторых случаях отказ от права прямо запрещен (п. 3 ст. 68, п. 2 ст. 74, п. 2 ст. 189, п. 3 ст. 563, п. 2 ст. 867, ст. 915, ч. 2 ст. 921 ГК и др.). Таким образом, любой несанкционированный отказ от права не имеет правопрекращающего эффекта и рассматривается судом как ничтожный (к примеру, расторгая договор, стороны не могут отказаться от взаимных претензий друг к другу) [8]. На практике это зачастую ведет к злоупотреблениям, когда заключенное к обоюдному удовлетворению соглашение не исполняется одной из сторон со ссылкой на п. 2 ст. 8 ГК.

В целях сравнительного анализа, отметим, что, п. 3 ст. 12 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) прямо предусматривает, что лицо может отказаться от своего имущественного права. Изменения пока не затронули п. 2 ст. 9 ГК РФ, но идея отказа от права получила серьезное развитие в п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, который допускает возможность отказа лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, от осуществления прав из договора после того, как наступили обстоятельства, служащие основанием для его реализации, если иное не предусмотрено Кодексом, законами, иными правовыми актами или договором [9, с. 1091; 10; 11]. Попытка иначе взглянуть на п. 2 ст. 9 ГК РФ предпринимается и в свете новых подходов к оценке императивности и диспозитивности гражданско-правовых норм, которые нашли отражение в постановлении

Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [12].

Поскольку возможность отказа от субъективных гражданских прав предопределена природой гражданских прав, согласимся с теми авторами, которые предлагают снять существующий законодательный запрет [1, с.144-145; 2]. Выступая за столь кардинальный подход, считаем, что полумеры в решении рассматриваемого вопроса не оправданы. Например, ст. 12 ГК Украины, устанавливая возможность отказа от имущественных гражданских прав, оставляет открытым вопрос о допустимости отказа от других гражданских прав, связь которых с имущественными интересами лица носит не прямой, но косвенный характер (например, от прав кредитора в негативном обязательстве). Пункт п. 6 ст. 450.1 ГК РФ порождает вопрос, почему отказаться от права из договора может только сторона, осуществляющая предпринимательскую деятельность.

В случае положительного решения вопроса о возможности отказа от субъективных прав, не менее важно установить пределы такой возможности, соблюдение которых позволит сохранить ценностную основу гражданско-правового регулирования. О каких пределах идет речь? Так как отказ от субъективного права является способом осуществления права, оценка правомерности такого отказа предполагает учет вытекающих из действующего законодательства (ст. 2, ст. 9 ГК) *пределов осуществления гражданских прав*: осуществление прав в соответствии с их природой и назначением, добросовестность и разумность, соблюдение справедливого баланса интересов сторон с учетом переговорных возможностей, недопущение нарушения интересов третьих лиц, соблюдение защищаемых публичных интересов и нравственности. Указанные пределы позволяют определить допустимость отказа от конкретного субъективного права. Например, ввиду функций государственной собственности отказ Республики Беларусь и административно-территориальных единиц от права государственной собственности на основании ст. 237 ГК недопустим. Участник хозяйственного общества не может отказаться от права получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его документацией, поскольку в таком случае он будет лишен возможности осуществлять другие права и обязанности как участник общества. Статья 385 ГК прямо закрепляет невозможность отказа от субъективного права посредством прощения долга, если прощение долга нарушает права третьих лиц в отношении имущества кредитора.

Понимание и применение указанных пределов не всегда является простой задачей. Например, акт отречения лица от здоровья как блага, неразрывно связанного с личностью, не может быть осуществлен ни юридически, ни фактически. В то же время отказ гражданина от конкретных субъективных прав, связанных со здоровьем, представляется допустимым (напр., отказ от госпитализации и лечения). Несмотря на то, что в целях защиты потерпевшего, отказ от права на компенсацию вреда, причиненного здоровью, не должен допускаться, при определенных обстоятельствах потерпевший может быть в этом заинтересован (например, пострадавшее от проведения неудачной пластической операции лицо отказывается от требования компенсации, соглашаясь на проведение повторной операции). В обязательствах с неравными переговорными возможностями (напр., обязательствах с участием потребителей) отказ более слабой стороны от принадлежащего ей права должен находиться под особым контролем государства, однако, исключить его полностью, по всей видимости, будет неправильно. Надо отметить, что исследовательская работа по осмыслению пределов отказа от субъективных гражданских прав, в том числе на основе анализа и обобщения опыта зарубежных стран, уже ведется, что создает качественно новую основу для дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики в данной области [1, с. 144-145; 2, 13].

Итак, общий запрет на отказ от гражданского субъективного права, из которого делаются определенные исключения, должен смениться общим дозволением, имеющим пределы, совпадающие с пределами осуществления гражданских прав. *Исходя из желаемого направления развития законодательства, будут рассмотрены ниже следующие вопросы.*

От чего зависят особенности отказа лица от принадлежащего ему гражданского права? Прежде всего от того, обладает лицо полной распорядительной властью в отношении права или нет. Например, поскольку собственник имущества сам осуществляет правомочия в отношении вещи и обладает полной распорядительной властью в отношении принадлежащего ему права, он самостоятельно принимает решение об отказе от права собственности и информирует об этом третьих лиц в установленном законодательством порядке. Полностью свободно в принятии решения о прекращении права посредством отказа лицо, которое отказывается от наследства (завещательного отказа), от участия в приватизации, от преимущественного права покупки отчуждаемой доли в общем имуществе.

Специфика взаимодействия сторон в договорном обязательстве диктует свои правила отказа от прав из договора. Как известно, права и обязанности сторон в обязательстве носят относительный характер, т.е. праву одной стороны корреспондирует обязанность другой и наоборот. Если право кредитора связано с определенной обязанностью должника, в исполнении которой должник заинтересован (праву кредитора требовать исполнения обязательства корреспондирует обязанность должника произвести исполнение), прекращение права кредитора не может быть произвольным. Поэтому согласно п. 3 ст. 420 ГК односторонний отказ от исполнения договора допускается только в том случае, когда это предусмотрено в договоре или законодательстве. В некоторых случаях справедливость одностороннего отказа от договора предполагает выплату компенсации другой стороне в качестве условия отказа (см., напр., п. 4 ст. 669, ст. 736 ГК).

Сторона в договоре свободна прекратить посредством отказа такие права, которые в силу соглашения или законодательства существуют исключительно в ее интересах и используются по ее усмотрению. Например, сторона может отказаться от права расторгнуть договор в одностороннем порядке, от права на одностороннее изменение условий договора, от установленного в ее пользу отлагательного условия и т. д. Осуществив прощение долга (ст. 385 ГК), кредитор может прекратить право требования уплаты долга к должнику.

В литературе рассматриваются особенности отказа от абсолютных и относительных прав, имущественных и неимущественных прав, охранительных и регулятивных прав, договорных и внедоговорных прав, прав из основного обязательства и обеспечительного обязательства, корпоративных прав, прав, содержанием которых является возможность возражения [6; 11; 13; 14; 15].

Кто может осуществить отказ от субъективного права? Совершить отказ от права может сам обладатель права, а также лицо, которое в силу законодательства или договора обладает распорядительной властью над субъективными правами иного лица (опекун, представитель, доверительный управляющий). Например, опекун, действуя в интересах подопечного и под контролем органов опеки и попечительства, совершает сделки, влекущие отказ от принадлежащих подопечному прав, с предварительного разрешения органов опеки и попечительства (п. 2 ст. 35 ГК).

Учитывая особый правовой статус отдельных категорий участников гражданского оборота, законодатель может исключить или

ограничить возможность отказа от субъективных прав для таких участников. Так, отказ от субъективных прав потребителей, по общему правилу, не должен допускаться. Напротив, нет оснований ограничивать возможность отказа от субъективных прав, если их обладатели имеют равные переговорные возможности.

Какова природа отказа от субъективного права с точки зрения теории юридических фактов? Отказ от субъективного права представляет собой правопрекращающий юридический факт. Учитывая намерение лица достичь изменения в своем правовом положении, а также адресный (коммуникативный) характер волеизъявления в форме отказа, считаем, что отказ лица от принадлежащего ему права является сделкой. Квалификация отказа от права в качестве сделки позволяет распространить на отказ от права общие положения о сделках, в том числе нормы о форме и порядке совершения сделок, условиях действительности сделок.

Как правило, отказ от права осуществляется на основе волеизъявления управомоченного лица, т.е. является односторонней сделкой. Например, в качестве таковой российская судебная практика рассматривает письмо стороны в договоре об отсутствии намерения расторгнуть договор, заявление об изменении статута требований кредитора в процессе о банкротстве (отказ от прав залогодержателя) [16].

В деловой практике зарубежных стран отказ от субъективного права часто используется при заключении сложных коммерческих сделок (соглашений о реструктуризации задолженности, соглашений о купле-продаже бизнеса и др.). Действительно, какие-либо разумные основания не допускать отказ от права по соглашению между обладателем права и заинтересованным лицом (часто – сторонами договора) на взаимовыгодных (в т. ч. возмездных) началах отсутствуют. О заключении, исполнении и признании таких соглашений со ссылкой на п. 6 ст. 450.1 свидетельствует российская судебная практика [17].

Понимая те различия, которые вытекают из отказа от права на основе односторонней сделки и на основе соглашения, согласимся с К. К. Беляевой в том, что отказ от права на основе соглашения не может ограничить лицо в распоряжении принадлежащим ему правом, ведь выбор между односторонней сделкой и соглашением осуществляет управомоченное лицо [11]. К примеру, договор позволяет кредитору согласовать с должником такие условия отказа от права из договора, которые, будучи возможными для должника, полно-

стью устроят кредитора (например, соглашение о том, что кредитор откажется от права на взыскание неустойки, если поставка товара будет произведена в течение десяти дней).

Интересным является вопрос о допустимости отказа от права на возмездной основе. Очевидно, что, отказываясь от права, управомоченное лицо преследует какой-либо (часто экономический) интерес, особенно если речь идет об определенных уступках контрагенту при осуществлении предпринимательской деятельности. Так, отказываясь от субъективного права из договора, кредитор может быть заинтересован в улучшении финансового положения должника, дальнейшем сотрудничестве с должником на более выгодных для себя условиях и т.п. При наличии такого рода заинтересованности отказ от права уже нельзя рассматривать как сделку, совершаемую исключительно в пользу контрагента. Разновидностью встречного предложения является денежная плата за отказ от права. Последняя может компенсировать кредитору имущественные потери, которые возникают у него в связи с отказом от права, а также оказывать дисциплинирующее воздействие на должника, если право кредитора возникло в связи с нарушением должником обязательства. Как отмечает К. К. Беляева, выплата компенсации за отказ от права может фигурировать либо в качестве договорного условия, либо в качестве отлагательного условия односторонней сделки. При этом автор рассматривает данные конструкции как взаимозаменяемые [11].

Итак, следует прийти к выводу о допустимости возмездного отказа от права, препятствия для которого надо искать в каждом конкретном случае, опираясь на вышеуказанные пределы осуществления гражданских прав.

Какова форма выражения воли лица на отказ от субъективного права? Форма отказа от права подчиняется общим правилам о форме сделок. В литературе подчеркивается, что отказ от права должен иметь явную и недвусмысленную форму выражения воли лица, быть ясным, четким, понятным [2, 11]. Форма отказа может быть устной (например, устное заявление официанту об отказе принять сдачу), письменной (например, письменное сообщение об отказе от покупки доли в праве общей собственности), конклюдентной (оставление вещи в специально отведенном для брошенных вещей месте, ст. 237 ГК). В отдельных случаях требуется специальная форма отказа от права (напр., заявление об отказе от наследства; заявление об отказе от регистрации товарного знака). Когда это специально установлено

в законодательстве или договоре, а значит, может быть однозначно воспринято, отказ лица от права может выражаться в отсутствии определенного действия, молчании (см. напр., п. 8 ст. 223 ГК; ч. 5 п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 23 февраля 2012 г. № 100 «О мерах по совершенствованию учета и сокращения количества пустующих и ветхих домов в сельской местности» [18]). Если отказ от права осуществляется на основе договора, необходимо соблюдать требования, предъявляемые к форме сделок и форме договора.

Односторонняя сделка должна быть воспринята адресатом. Так, отказ стороны от права из договора должен быть сообщен контрагенту. Заявление об отказе от прав на земельный участок подается в орган, принявший решение о предоставлении земельного участка (ст. 67 Кодекса о земле). Отказ от права может быть совершен в форме, доступной для восприятия неограниченному кругу лиц (отказ от права собственности).

Для российских юристов вопрос о форме отказа от прав из договора приобрел особую важность в связи с применением п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Исходя из грамматического толкования данной нормы, в которой речь идет о «заявлении отказа от осуществления права», а также опираясь на имеющуюся судебную практику, К. К. Беляева приходит к выводу, что молчание и бездействие стороны не могут расцениваться как отказ от права, поскольку одним из элементов отказа от права является создание у другой стороны правоотношения недвусмысленного впечатления о том, что субъект решил отказаться от своего права [11]. Т. С. Бойко также считает, что подразумеваемый отказ от права, вытекающий из фактических действий стороны договора, является довольно дискуссионным институтом и едва ли подойдет российскому праву [1, с. 144]. В частности, в качестве отказа от права нельзя квалифицировать неиспользование управомоченной стороной средства защиты.

По мнению А. Г. Карапетова, прямая недвусмысленная форма волеизъявления при отказе от права является одним из очевидных критериев разграничения отказа от права от утраты права по правилу «эстоппель» (в законодательстве Республики Беларусь термин «эстоппель» не употребляется, но схожего с доктриной эстоппеля эффекта можно достичь посредством применения абз. 8 ч. 2 ст. 2 и п. 1, 2 ст. 9 ГК [9, с. 1093-1094]).

Каковы правовые последствия отказа от субъективного права? Отказ от субъективного права имеет целью прекращение права и потому влечет окончательную утрату лицом принадлежащего ему права (см.,

напр. п. 2 ст. 1074 ГК; вывод об окончательной утрате права из договора вследствие отказа от права следует из п. 6 ст. 450.1 ГК РФ). В литературе предлагается установить общую норму о том, что отказ от права не может быть впоследствии отменен или взят обратно (противное порождало бы неопределенность в отношениях между равными субъектами права), если иное не предусмотрено в законодательных актах [19].

Нельзя отказаться от права на время или отказаться от права под отменительным условием. В то же время, если иное не вытекает из природы права и законодательства, отказ от права может быть совершен под отлагательным (в том числе потестативным) условием (напр., отказ кредитора от права досрочно требовать возврата долга, если должник погасит часть долга в установленный срок).

Отказ от права управомоченного лица не сопровождается возникновением права у другого лица, т.е. при отказе от права отсутствует правопреемство. В определенных случаях, при сохранении объекта права, иное лицо может установить новое субъективное право на данный объект. Такое последствие, однако, находится за пределами отказа от права, имеющего целью исключительно прекращение права для управомоченного лица [11].

Для прекращения субъективного права одного факта отказа от права может быть недостаточно. Так, ст. 237 ГК связывает правопрекращающий эффект отказа от права собственности с приобретением права собственности на оставленную вещь иным лицом. Для прекращения права, подлежащего государственной (иной) регистрации, требуется совершение соответствующего регистрационного действия (см, напр., ст. 131, ст. 165 ГК).

Кроме правопрекращающего эффекта, отказ от права может иметь специальные правовые последствия, учет которых необходим для урегулирования взаимоотношений обладателя права с третьими лицами. Например, должник, отказываясь от прав, именуемых «возражениями», в отношении кредитора, должен понимать, что поручитель не теряет права на эти возражения даже в том случае, если должник от них отказался или признал свой долг (п. 1 ст. 344 ГК). Отказываясь от своего права требования к лицу, ответственному за убытки, возмещенные страховщиком, страхователь (выгодоприобретатель) должен учитывать правовые последствия, предусмотренные п. 4 ст. 855 ГК.

Факт отказа от субъективного права доказывает лицо, заинтересованное в правовых последствиях такого отказа (отказавшееся от права лицо, контрагент, третье лицо).

Как соотносится отказ от субъективного права со смежными правовыми категориями.

С развитием практики *негативных обязательств*, легитимность которых вытекает из п. 1 ст. 288 ГК, достаточно остро встал вопрос о соотношении отказа от субъективного права и обязательства должника воздерживаться от осуществления определенного действия, составляющего содержание его права, в пользу кредитора. Имеющееся в теории и на практике смешение указанных понятий может привести к незаконному отказу в судебной защите негативных обязательств со ссылкой на п. 2 ст. 8 ГК. Поэтому отметим, что в силу негативного обязательства должник не утрачивает принадлежащее ему право, а лишь обязуется перед кредитором воздерживаться от осуществления права под страхом применения к нему гражданско-правовых санкций. При этом право, от реализации которого должник обещает воздерживаться, может существовать как в форме субъективного права должника, так и в форме права, принадлежащего должнику в качестве элемента правоспособности (например, право торговать на любой территории и с любыми лицами).

При фактическом неосуществлении права лицо не реализует возможности, заложенные в праве, но воля, направленная на прекращение права отсутствует, а значит, право сохраняется. Поскольку субъективное право – это мера возможного поведения обладателя права, правовой порядок, как правило, безразлично относится к ситуации неосуществления права. Если же неосуществление права создает правовую неопределенность, затрагивает интересы других лиц или гражданского оборота в целом, в законодательстве предусматриваются последствия такого неосуществления, вплоть до утраты права. Например, неиспользование товарного знака в совокупности с другими, предусмотренными законодательством, юридическими фактами, может привести к утрате данного права. Даже в тех случаях, когда для осуществления права установлен пресекательный срок (напр., п. 2 ст. 253, п. 4 ст. 347, ст. 1074 ГК), неосуществление права в данный срок следует рассматривать не как отказ от права, а утрату права в связи с неосуществлением. О том, что отказ от права и неосуществление права (в специально предусмотренных случаях) выступают самостоятельными основаниями утраты права, вытекает и из анализа отдельных норм ГК (ч. 2. п. 2 ст. 92; п. 2 ст. 253 ГК).

С учетом сказанного, считаем важным четко разграничить и отдельно закрепить в ст. 8 ГК такие понятия как «неосуществление

права» и «отказ от принадлежащего лицу права» для дальнейшего самостоятельного правового регулирования. Именно такой подход реализован в ст. 12 ГК Украины. Менее предпочтительной выглядит новая редакция ст. 8 ГК РК, которая определяя последствия «неосуществления права», но умалчивая об отказе от права, вызвала новую волну дискуссии о допустимости отказа от права [7].

Отказ от субъективного права следует отличать от *внесения в договор изменений*, обладающих правопрекращающим эффектом. Будучи различными по природе и специфике действия, указанные механизмы имеют самостоятельное значение. В частности, следует учитывать особенности использования данных механизмов на различных этапах развития договорного обязательства. Поэтому стороны должны четко понимать, в чем состоит отличие между указанными механизмами и какими преимуществами они обладают. В настоящее время судебная практика свидетельствует о смешении и подмене рассматриваемых понятий [5].

Согласовывая условия договора, стороны могут отказаться от определенных прав, закрепленных диспозитивными нормами. На этапе заключения договора речь не может идти об отказе от субъективных прав, поскольку субъективные права еще не существуют и возникнут только после заключения договора [20].

Необходимо разграничивать отказ лица от принадлежащего ему субъективного права и распорядительные действия процессуального характера. Отказ истца от исковых требований полностью или в части лишает истца права на обращение в суд с тождественным иском, но не прекращает право истца, которое может быть удовлетворено в добровольном порядке [4].

Зачастую стороны фиксируют волю на отказ от субъективного права в соглашении, в котором *управомоченное лицо отказывается от обращения в суд с соответствующим требованием*. Такие соглашения признаются судом недействительными на основании ст. 6 Гражданского процессуального кодекса и ст. 6 Хозяйственного процессуального кодекса как содержащие отказ лица на судебную защиту. Поэтому, даже в случае признания возможности отказа от субъективного гражданского права, формулируя соответствующие условия договора, стороны должны учитывать указанные процессуальные нормы. Другое дело, когда в соглашении *констатируется отсутствие требований сторон друг к другу*. В литературе высказано и достаточно аргументировано мнение о том, что такого рода

соглашения не должны быть уязвимы с точки зрения соблюдения процессуальных запретов, так как свидетельствуют о намерении субъектов прекратить материальные права, выступающие содержанием процессуальных требований [21].

В заключение выразим надежду на то, что законодатель пересмотрит свое отношение к запрету на отказ от субъективных гражданских прав, существование которого не имеет какого-либо политико-правового обоснования и вступает в серьезное противоречие с потребностями многообразного динамично развивающегося гражданского оборота.

Список цитированных источников:

1. Бойко, Т. С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы / Т. С. Бойко // Закон. – 2012. – № 3. – С. 133–145.
2. Саркисян, А. В., Новосельнов, Д. А. Об отказе от права и его последствиях [Электронный ресурс] / А. В. Саркисян, Д. А. Новосельнов // КонсультантПлюс. Россия / Режим доступа: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/25402> – Дата доступа: 15.04.2018.
3. Белявский, С. Ч. Отказ от права на неустойку недействителен [Электронный ресурс] / С. Ч. Белявский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
4. Добровольский, А. М. К вопросу о возможности осуществления имущественного права требования после отказа от иска и отказа от права (на примерах из судебной практики) [Электронный ресурс] / А. М. Добровольский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
5. Кожич, Л. М. Юридическая сила соглашений об отказе от пени и процентов за пользование чужими денежными средствами [Электронный ресурс] / Л. М. Кожич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
6. Суханова, Ю. В. Отказ от субъективных гражданских прав : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Суханова ; Самарский гос. экон. ун-т. – Самара : СГЭУ, 2008. – 170 л.
7. Божжанова, Д. Отказ от права по гражданскому законодательству Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Д. Божжанова // Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4583124-otkaz-ot-prava-po-grazhdanskomu.html>. – Дата доступа: 15.04.2018.
8. Белявский, С. Ч. Соглашение об отсутствии претензий является отказом от права [Электронный ресурс] / С. Ч. Белявский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
9. Карапетов, А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постановочный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М–Логос, 2017 – 1120 с.
10. Михайлова, Е. О. Отказ от осуществления прав по договору как новелла российского гражданского законодательства [Электронный ресурс] / Е. О. Михайлова // Научно-методический электронный журн. «Концепт». – 2016. – Т. 2. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/46124.htm>. – Дата доступа: 15.04.2018.
11. Беляева, К. К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте [Электронный ресурс] / К. К. Беляева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

12. Софонов, И. Ю. Современный правоприменительный подход к квалификации отказа от права в договоре [Электронный ресурс] / И. Ю. Софонов // Право и экономика. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9137>. – Дата доступа: 15.04.20018.

13. Суслов, А. А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав [Электронный ресурс] / А. А. Суслов // Пролог: журн. о праве / Prologue: Law Journal. – 2017. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otkaza-ot-otdelnyh-vidov-subektivnyh-prav> – Дата доступа: 15.04.2018.

14. Седова, Ж. И., Зайцева, Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации / Ж. И. Седова, Н. В. Зайцева. – М. : Статут, 2014. – 159 с.

15. Павлов, А. А. Два вопроса о давности: о чем сказал и о чем умолчал Верховный Суд [Электронный ресурс] / А. А. Павлов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

16. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 7 октября 2016 г. по делу № А05-7559/2016; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22 ноября 2016 г. № 06АП-5995/2016 [Электронный ресурс] // Судеб. и норматив. акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral>. – Дата доступа: 15.04.2018.

17. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 22 августа 2016 г. по делу № А60-21603/2016; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 февраля 2016 г. по делу № А40-217233/15-63-146; Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 1 февраля 2017 г. по делу № А45-21502/2016 [Электронный ресурс] // Судеб. и норматив. акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral>. – Дата доступа: 15.04.2018.

18. О мерах по совершенствованию учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов в сельской местности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 февр. 2012 г., № 100 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

19. Диденко, А. Г. Об утрате гражданских прав [Электронный ресурс] / А. Г. Диденко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

20. Суслов, А. А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России [Электронный ресурс] / А. А. Суслов // Пролог: журн. о праве. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/otkaz-ot-pravospособности-v-grazhdanskom-prave-rossii.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2018.

21. Юдин, А. В. Недействительность отказа от прав на обращение в суд в гражданском процессе: теоретико-прикладные проблемы [Электронный ресурс] / А. В. Юдин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР: ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ

Годунов В. Н.

Заключение гражданско-правового договора имеет определенный порядок. Порядок заключения договора – это предусмотренная правовыми нормами последовательность формирования (форм-